

MARGINAL BEHAVIOR IN THE FORMAT OF MODERN GENERAL LEGAL STUDIES

R. Stepanenko, Candidate of Jurisprudence, Associate
Professor, Head of the Chair
Academy of Management TISBI, Russia

The author considers certain matters of examination of the general legal concept of «marginal behavior». Traditional approaches to studying this problem are analyzed and compared with the point of view of the modern common law concept of marginality.

Keywords: marginal behavior, borderline, alienation, liability, fear, measure, etc.

Conference participant, National championship in scientific analytics

Перманентность процесса познания и осмысления взаимосвязи и взаимодействия проявлений феномена маргинальности (отчужденности, пограничности, неадаптивности к соционормативному пространству) в сфере права во всем их многообразии, со всей очевидной необходимостью подводит исследователя к объяснению и формированию понятийного аппарата, выстраиваемого и используемого им при обосновании общеправовой концепции маргинальности, одной из значимых категорий которой является «маргинальное поведение». Выстраиваемая теория, учитывая различия содержательной стороны категорий «юридическое» и «правовое», к последнему относит наиболее обобщенные, общетеоретические сущностные характеристики социально-правовой реальности, элементами которой являются правовая культура, правосознание, правовое поведение маргинальной личности [1, С. 10].

Учебно-методическая литература рассматривает маргинальное поведение как один из видов правомерного поведения (А.С. Головистикова, В.Л. Кулапов, В.В. Лазарев, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.И. Магузов, О.В. Мартышкин, В.Д. Первалов, А.С. Пиголкин, Ю.В. Сорокина, Т.Н. Радько, В.А. Туманов, А.Н. Чашин и др.). В отдельных работах отмечаются такие его существенные характеристики как «промежуточность» или «пограничность» с неправомерным (Г.Н. Радько, Р.М. Романов, Ю.В. Сорокина и др.) либо «предрасположенность» маргинальных лиц к противоправному по-

ведению (В.В. Лазарев, В.Д. Первалов и др.), что, как видится, не одно и то же. В отдельных случаях авторами конкретизируются группы лиц, являющихся носителями маргинального поведения, к которым традиционно относятся лица без определенного места жительства, безнадзорные и беспризорные несовершеннолетние, нищие, хронические алкоголики и наркоманы; беженцы и вынужденные переселенцы, бывшие заключенные, рецидивисты, то есть, так называемые общей теорией права и криминологией «группы риска» [2].

Начало концептуальному теоретико-правовому познанию маргинального поведения, а также причинного комплекса таковое обуславливающее было положено В. В. Оксамытным в работе «Правомерное поведение личности теоретические и методологические проблемы» (Киев, 1990) [3, С. 134, 135]. Типологизируя правовое поведение на правомерное и неправомерное, автор обосновывает целесообразность классификации правомерного поведения по деятельности критерию. В этой связи В.В. Оксамытный выделяет: 1) социально активное; 2) привычное, конформистское (пассивное); 3) маргинальный типы поведения.

К сказанному, на наш взгляд, следует добавить, что крайней формой проявлений маргинального поведения, как отмечалось в частности В.В. Оксамытным, является агрессивное отношение к нормам права, проявляющееся в преднамеренном противостоянии маргинальных индивидов требованиям правовых предписаний.

МАРГИНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ФОРМАТЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕ- ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Степаненко Р.Ф., канд. юрид. наук, доцент
Университет управления «ТИСБИ», Россия

В статье рассматриваются отдельные вопросы исследования общеправового понятия «маргинальное поведение». Анализируются традиционные подходы изучения данной проблемы и сопоставляются с точкой зрения современной общеправовой концепции маргинальности.

Ключевые слова: маргинальное поведение, пограничность, отчужденность, предрасположенность, страх, мера и т.д.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике

Общеправовая теория маргинальности исследует каузальную природу такого рода поведения, детерминированного целым причинным комплексом взаимосвязей и взаимодействий, находящихся свое негативное проявление в зависимости от степени влияния искомого феномена на характер поведения маргинальных индивидов (вандализм, экстремизм, терроризм).

Между тем, для уяснения содержания категории «маргинальное поведение» должны быть интересны не только рассматриваемые отдельно или в синтезе внутренние психологические особенности индивидов и внешние (политические, социально-экономические, культурные и др.) причины и условия, обуславливающие такое поведение, ведущих маргинальный образ жизни. Негативное отношение к соблюдению закона наблюдается и у лиц, формально не нарушающих его предписания и не замеченных в ведении маргинального образа жизни. Тем не менее в условиях значительной социальной дифференциации, когда резко обостряются расхождения между декларируемыми законом целями и реальными возможностями их достижения, положение на грани дозволенного и запрещенного становится для лиц, оказавшихся в «пограничной» ситуации, еще более неустойчивым, балансирующим на грани правомерного, неправомерного и противоправного. В ситуации дискретного социального устройства, как считают многие ученые, перестает исполнять свои функции сама правовая норма. Известный российский криминолог

В.Н. Кудрявцев по этому поводу отмечает: «как результат, возникает тесно связанное с этим процессом явление – игнорирование населением нормы, утратившей полезность и авторитет» [4, С. 6-8], если она и обладала таковыми вообще.

Определенный юридический опыт в исследованиях маргинального поведения как правового понятия имеется и в современных диссертационных работах. Так, О.В. Нечаева, рассматривая правовые аспекты маргинальности (Н. Новгород, 2006г.) останавливает свое внимание на уточнении внутренних факторов, обуславливающих маргинальное поведение и к таковым относит отсутствие уважения к действующему праву и нормативно-правовую неопределенность, основанные на глубокой деформации правосознания маргинальной личности. Нормы права не являются основным ориентиром поведения маргинальной личности, утверждает автор [5].

А.А. Никитин в диссертационном исследовании «Маргинальное поведение личности как объект теоретико-правового исследования» (Саратов, 2006) отмечает, что такой вид поведения характеризуется пограничностью, балансирующим на грани правомерного и неправомерного, но близкое к неправомерному и противоправному¹ поведению [6].

И.М. Максимова исследуя маргинальное поведение в связи с изучением пассивного уровня правосознания, относит его уже к формам преступного (противоправного) поведения, уточняя ориентированность этого вида поведения на цели и интересы, противоречащие обществу. Маргинал, по мнению автора, зачастую не совершает противоправных действий, т.к. осознает их нецелесообразность, руководствуясь при этом личным расчетом или, опять-таки, страхом перед наказанием. Что касается маргинального противоправного поведения, то оно, как считает И.М. Максимова, направлено на удовлетворение личных потребностей, и его основными мотивами являются: корысть, стремление приобрести авторитет в определенной

группе, самоутверждение, престижные соображения и т.д. [7, С. 7]

Наше авторское видение и понимание маргинального поведения, с точки зрения его интерпретации по отмеченным выше критериям и шире, определенным образом отличается от рассмотренных положений, обоснование которых, в свою очередь, предполагает необходимость и целесообразность осуществления рефлексии в сферу философских, социологических и психологических исследований, способствующих наиболее полному познанию и объяснению изучаемого объекта, особенно в диапазоне интегративной юриспруденции.

В этом смысле, признаваемое и используемое нами интегральное объяснение обусловленности природы права предполагает рассмотрение категории маргинальное поведение не только с чисто юридических позиций его «правомерности», «неправомерности» и «противоправности», но с точки зрения синтезированного, в т.ч. герменевтического подхода, эксплицирующего семантическое значение таких философско-парадигмальных понятий, как «поведение», «право», «мера», «страх» и других категорий, позволяющих объяснить многомерную природу изучаемого феномена.

Например, использование социально-философской категории «страх» при изучении причинности маргинального поведения оказывается, в некотором смысле, возможным и уместным, но не достаточно принципиальным, на наш взгляд, в контексте изучения особенностей маргинального поведения. Очевидно, что «страх», по сравнению с другими человеческими эмоциями, имеет прерогативу и доминирует в числе способов, сдерживающих деструктивные модели поведения. Он останавливает человека перед всевозможными соблазнами, пороками и искушениями. В этом смысле правовая наука, используя категорию «страх», вкладывает в ее содержание концептуальные сдерживающие механизмы, предназначенные для их

использования в качестве превентивных стратегий. Императивный смысл правовой нормы (санкции) как раз-таки базируется и апеллирует к эмоциям страха, которые должны, с одной стороны – вызывать чувство боязни у лиц с правонарушающими формами поведения, с другой стороны - не только у них. В числе мотивов правомерного поведения находится огромный диапазон чувств, взглядов, установок, целей, начиная с осознания общественного долга, ответственности и заканчивая привычкой к повиновению, страхом перед наказаниям, совершенно справедливо отмечает И.М. Максимова. Проведенный автором социологический опрос, уясняющий уровень российского правосознания показал, что 54% граждан подчиняются закону из-за страха перед наказанием [7, С. 83]. Кроме того, эти же эмоции страха обеспечивают состояние психологической защищенности у граждан с правомерным поведением, рассчитывающих на то, что именно страх послужит сдерживающим фактором от совершения правонарушений противоположные группы. На это, в широком смысле, и нацелена кратическая функция права.

Действие «страха» амбивалентно, т.е. его воздействие предполагает возникновение боязни за нарушение правовых предписаний и у законопослушных и социально-неблагополучных маргинальных индивидов, т.е. *чувство «страха» «адресовано» всем участникам правоотношений* и является средством достижения сбалансированности социального порядка посредством заблаговременной и превентивной коррекции моделей (нарушающего или способного нарушить запрещенные законодательством правила) поведения путем установления разнообразных видов наказаний. Таким образом, диспозитивная сфера нормы права обеспечивается, помимо прочего, содержанием санкций, включающих в себя эмоции страха, которые должны генерировать однопорядковую степень боязни ответственности у всех субъектов правоотношений, как с развитым в достаточной степени

¹ Заметим, что автором также не отождествляются понятия правомерное, неправомерное и противоправное поведения, что коррелирует с построением нашей концепции (Р.С.).

уровнем правосознания, так и у лиц с дефектным и деформированным (маргинальным) правосознанием. Таким образом, или же необходимо признать правовое поведение большинства российских граждан маргинальным (54% по И.А. Максимовой), что вряд ли соответствует действительности. Или же утверждение о соблюдении носителями маргинального поведения правовых предписаний под воздействием эмоции страха является, в значительной мере, некорректным, что не отвечает требованиям достаточности оснований при формулировании таких положений.

Что касается философской категории «мера», то юридическая наука и, в частности, представители позитивистского, нео- и постпозитивистского подходов к пониманию права, содержание правомерного поведения объясняют «соответствием», «связанностью», «согласованностью» с юридическими предписаниями (нормами), т.е. формально зафиксированными в законе правилами поведения. Данное понимание «правомерности», таким образом, лигитимизирует один уровень изменения (меры) границ поведения, который установлен и зафиксирован в законе. В тоже время, в таком случае умышленно упрощается другой, более высокий уровень общепризнанности правил поведения сложившийся, например, в исторических традициях, нормах этики, морали, нравственности, религии и т.д.

Рассмотрим, например, такой вид маргинального поведения как бродяжничество и попрошайничество лиц, не имеющих определенного места жительства, который запрещен административным законодательством четырех субъектов Российской Федерации (Москва, Красноярск, Чебоксары, Казань). С одной стороны, нахождение в любом месте пребывания на территории Российской Федерации отвечает требованиям конституционного законодательства и предопределяет возможность избирать место жительства. С другой, устраивает ли такое положение вполне законопослушных граждан, лицемерящих и испытывающих ряд значительных неудобств от сосед-

ства с такими людьми в пределах одного дома, подъезда или других общественных местах. Такое «сожительство» с сопутствующими и характерными для маргиналов способами жизнедеятельности (злоупотребление спиртными напитками, санитарно-эпидемиологическое неблагополучие, навязчивое приставание к гражданам, нарушение их покоя, нечистоплотность, педикулез и т.д.) прямо нарушает конституционные права других граждан на отдых, санитарно-эпидемиологическое благополучие и духовно-нравственное благосостояние, обязанность соблюдать которые, кстати, также определены в законах. Получается, что в четырех отмеченных субъектах РФ поведение лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством признается противоправным, а в других 79 субъектах РФ вполне правомерным, или точнее – законодательно одобряемым.

Другой пример – злоупотребление алкоголем. С одной стороны - в своей квартире граждане имеют гарантированную конституцией возможность употреблять алкогольные напитки в любом количестве на протяжении любого времени. Однако в этой ситуации остаются незащищенными права членов семей, испытывающих явные неудобства от страдающих хроническим алкоголизмом лиц. При этом, в т.ч. нарушаются права несовершеннолетних детей, престарелых родителей, соседей и т.д. Невозможно подсчитать моральный и материальный ущерб, например, от пожаров, случившихся по вине лиц, находившихся в состоянии тяжелого алкогольного опьянения. Мера и степень вреда от действий лиц, злоупотребляющих алкоголем, как показывает практика, весьма существенны, но недостаточно урегулированы законом, т.к. обязанность возмещения вреда от их деяний или же заранее не выполнима или же ложится на ближайших родственников правонарушителей.

В этом смысле признание многих видов маргинального поведения вполне правомерным «отрывает» сам закон (как все-таки правовой феномен) от его правовой сущности, сужая до «продукта воли законоустанавливаю-

щей власти». В этих случаях выступая исходным первоисточником права, такой закон вряд ли способствует обогащению аксиологического содержания как самого права, так и его морально-нравственных и социально-значимых обоснований в нормативно-правовых актах.

В рамках общеправовой теории маргинальности таким специфическим, рассматриваемым при содействии позитивистского подхода предметом исследования, становится «законосообразимая» (юридически-значимая) сфера (часть) маргинального поведения. При этом следует отметить, что «магические возможности» закона, конечно же, не беспредельны. Закон хотя априори и должен быть обусловлен объективной природой права, его одобрением максимальной совокупностью участников правоотношений, т.е. обладать гегелевской общезначимостью и только тогда становящийся эталоном, моделью, мерой дозволенного, управомочивающего и запретного, на самом деле, есть явление абстрактное, динамически видоизменяемое и не всегда учитывающее обоюдную значимость и полезность для всех участников правоотношений.

В этом смысле философская категория «мера», которая, как известно, служит средством отображения взаимосвязи и взаимодействия количественных и качественных изменений, объясняет границы диапазона (интервала) и является объективным «мерилом особенности» того или иного объекта или явления. Созданная человечеством, в том числе законодателем, определенная «мерность бытия» имеет исторически обусловленный характер, основанный на многовековом человеческом опыте межличностных отношений. Несовпадения векторности этой «целостной мерности» с «мерностью» законодателя создает ряд глобальных проблем в континууме общечеловеческих, в т.ч. социально-правовых взаимоотношений. Значительную часть этих проблем призвано решать право, в том числе и закон, *способный адекватно отражать требования (меру) челове-*

ского сообщества о справедливости, нравственности и гуманизме как через уважение, традиции и авторитет законодателя, так и через институты государственного принуждения, в чем, собственно, и заключается смысл его целеполагания.

Безусловно, устанавливая эту «меру» необходимо принимать во внимание, а также учитывать и специфику формирования маргинального поведения в условиях (положении) «пограничности» и неадаптированности к социально-нормативной системе значительного числа граждан, которая объективизируется, как отмечают исследователи маргиналистики, *через предрасположенность этих лиц к совершению правонарушений*. Законодатель должен осознавать и учитывать какую форму поведения или какие виды приспособления к социально-нормативной системе (т.е. деятельный фактор маргинальности – Р.С.) можно считать правомерными, какие неправомерными, а какие – противоправными. Поэтому отнесение маргинального поведения только к правомерному или противоправному, а точнее – «законосообразному» виду поведения, представляется нам не совсем верным. Это гораздо более широкое общеправовое понятие, означающее, на наш взгляд, такой специфический способ жизнедеятельности маргинальных индивидов, характеризующихся индифферентным, нигилистическим, а, в крайних формах – агрессивным отношением к праву, который в своей совокупности обуславливает их предрасположенность к совершению правонарушений, в т.ч. преступлений. Общеправовая теория маргинальности обосновывает положение о том, что поведение этих специфических групп может быть и правомерным и неправомерным и противоправным, т.е. отчужденным и пограничным и, следовательно – маргинальным.

Таким образом, юридически-нейтральная категория маргинальное поведение, введенная в научный оборот юридической науки в конце 90-х годов прошлого столетия, приобрела с этого времени общеправовую значимость, изучение содержания которой становится в современ-

ной российской действительности все более актуальным. Данная проблема должна быть учитываемой при обосновании стратегии правовой политики, в которой совокупность, ориентиров, установок, ценностей правового бытия личности должны обеспечиваться, прежде всего, государством, а сама правовая политика должна позитивно влиять на становление и развитие правовой и общей культуры граждан, социальных групп [8, С. 11; 9, С. 6], в том числе, социально-неблагополучных - т.е. маргинальных.

References:

1. Stepanenko R.F. *Genezis obshchepравovoi teorii marginal'nosti: monografiya* [The genesis of the general legal theory of marginality: monograph] R.F. Stepanenko. Under edition by doctor of philosophy sciences, professor. O.Yu. Rybakova – Kazan', «Universitet upravleniya «TISBI», 2012., 268 p.
2. Sorokina Yu.V. *Gosudarstvo i pravo: filosofskie problemy*. [State and Law: philosophical problems] – Moskva., OAO: Publisher house «Gorodets», 2004., P. 195
3. Perevalov V.D. *Teoriya gosudarstva i prava*. [Theory of the state and Law] – Moskva., Vysshee obrazovanie, 2008., P. 242
4. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of State and Law] Under edition by O.V. Martyshkina. – Moskva., Norma, 2009., P. 387
5. Lazarev V.V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law] – Moskva., Yurait, 2011. - P. 438
6. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of the State and Law] A.S. Pigolkin, A.N. Golovistikova, Yu.A. Dmitriev. – Moskva., Publisher «Yurait», 2011., pp. 652, 653
7. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of the State and Law] Under edition by N.I. Matuzova, A.V. Mal'ko. – Moskva; Infar-M, 2012. - P. 569
8. Rad'ko T.N. *Teoriya gosudarstva i prava*. [Theory of the State and Law] – Moskva., Prospekt, 2012., p. 561
9. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of the State and Law: Tutorial] M.B. Smolenskii and others. –

Rostov-on-Don., Feniks, 2012., p. 425

10. Chashin A.N. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of the State and Law: Tutorial] A.N. Chashin. – Moskva., Publisher «Delo i servis», 2008., p. 341 and others.

11. Oksamytnyi V.V. *Pravomernoe povedenie lichnosti teoreticheskie i metodologicheskie problemy*. Diss. na soisk. uch. step. d-ra yurid. nauk [Legitimate behavior of the person: theoretical and methodological problems. Thesis by the candidate for the J.D. degree] – Kiev, 1990.

12. Kudryavtsev V.N. *Mekhanizmy sotsial'noi deformatsii. Voprosy filosofii*. [Mechanisms of social deformation. Problems of Philosophy] – 1989., No. 11.

13. Nechaeva O.V. *Pravovye aspekty marginal'nosti*. Dis. ... kand. yurid. nauk. [Legal aspects of marginality. Thesis by the Candidate of Jurisprudence] - Nizhny Novgorod, 2006.

14. Nikitin A.A. *Marginal'noe povedenie lichnosti kak ob'ekt teoretiko-pravovogo issledovaniya*. Dis. ... kand. yurid. nauk. [Marginal behavior of the person as an object of theoretical and legal research. Thesis by the Candidate of Jurisprudence] – Saratov, 2006.

15. Maksimova I.M. *Pravosoznanie kak istochnik pravovogo povedeniya lichnosti*. [Sense of justice as a source of personal legal behavior] Avtoferat na soisk. uch. step. kand. yurid. nauk. [Abstract for the Candidate of Jurisprudence degree application] – Nizhny Novgorod, 2005.

16. Rybakov O.Yu. *Rossiiskaya pravovaya politika v sfere zashchity prav i svobod lichnosti*. [Russian policy in the sphere of legal protection of the rights and freedoms] – Sankt-Peterburg., Publisher R. Arslanova «Yuridicheskii tsentr Press», 2004.

17. Rybakov O.Yu. *Formy realizatsii pravovoi politiki*. [Forms of the legal policy implementation] – Pravovaya politika i pravovaya zhizn' [Legal policy and legal life]. - 2003., No. 2.

Information about author:

Raviya Stepanenko - Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Head of the Chair, Academy of Management TISBI; address: Russia, Kazan city; e-mail: stepanenkorf@yandex.ru